

А.А. Кожаева*

**ТРУД КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ
В ПРАВАХ И ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ
ПО-СОВЕТСКИ (1926–1936 ГОДЫ)
(НА МАТЕРИАЛАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)**doi:10.31518/2618-9100-2023-1-6
УДК 94(47+57).084*Выходные данные для цитирования:**Кожаева А.А. Труд как основание для восстановления в правах и инструмент социализации по-советски (1926–1936 годы) (на материалах Западной Сибири) // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 78–89. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-06.pdf>*

A.A. Kozhaeva*

**LABOR AS A BASIS FOR THE RESTORATION
OF RIGHTS AND A TOOL OF SOCIALIZATION
IN THE SOVIET WAY (1926–1936)
(BASED ON THE MATERIALS OF WESTERN SIBERIA)**

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-6

*How to cite:**Kozhaeva A.A. Labor as a Basis for the Restoration of Rights and a Tool of Socialization in the Soviet Way (1926–1936) (Based on the Materials of Western Siberia) // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 78–89. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-06.pdf>]*

Abstract. In the Constitution of the Russian Soviet Federative Socialist Republic from 1918, labor was proclaimed the duty of citizens. The idea of compulsory labor activity became central in the context of Soviet state building. In order to ensure control over groups of the population that are potentially alien to the Soviet government (former, merchants and entrepreneurs, clergymen, etc.), categories of persons deprived of voting rights were enshrined in the said Constitution. By 1926, the system of deprivation was formalized, and labor became the main basis for the restoration of rights. The article is devoted to the study of the labor adaptation of the deprived, which was indicated in their ego documents. Based on the analysis of petitions for the restoration of the rights of the deprived of Novosibirsk, as well as the Maslyaninsky and Iskitimsky districts of Western Siberia, the portrait of the deprived in the sphere of labor is reconstructed. According to the author, the work was not only the basis for the restoration of rights, but also an argument given by the deprived to prove their loyalty to the authorities. In addition, the article provides a justification for the fact that selective discrimination significantly affected the employment of deprived. Groups of deprived are identified depending on the impact of legal discrimination on their work history.

Keywords: deprived, social and legal discrimination, marginality, labor adaptation, Siberia, USSR.

The article has been received by the editor on 25.10.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В Конституции РСФСР 1918 г. труд был провозглашен обязанностью граждан. Идея обязательности трудовой деятельности становилась центральной в контексте советского государственного строительства. С целью обеспечения контроля над потенциально чуждыми советскому правительству группами населения («бывшими», торговцами и предпринимателями, священнослужителями и пр.) в указанной

* **Альбина Алексеевна Кожаева**, магистрант, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: a.kozhaeva18@mail.ru
Albina Alekseevna Kozhaeva, Master's Student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: a.kozhaeva18@mail.ru

Конституции определялись категории лиц, лишённые избирательных прав. К 1926 г. система «лишенчества» оформилась, а труд стал главным основанием для восстановления в правах. Статья посвящена исследованию трудовой адаптации «лишенцев», которая указывалась в их эго-документах. На основе анализа ходатайств о восстановлении в правах «лишенцев» Новосибирска, а также Маслянинского и Искитимского районов Западной Сибири реконструирован портрет «лишенца» в сфере труда. Дано обоснование, что труд являлся не только основанием для восстановления в правах, но и важным аргументом «лишенцев» для доказательства их лояльности к власти. Выявлено, каким образом избирательная дискриминация влияла на структуру занятости «лишенцев». Выделены группы «лишенцев» в зависимости от возможностей преодолеть дискриминацию в сфере труда.

Ключевые слова: «лишенцы», социально-правовая дискриминация, трудовая адаптация, маргинальность, Сибирь, СССР.

Статья поступила в редакцию 25.10.2022 г.

10 июля 1918 г. V Всероссийским съездом Советов была принята Конституция РСФСР, в которой закреплялись представления большевиков о государственном устройстве. Среди многих впервые введенных в текст Основного закона государства принципов, оказавших длительное воздействие на институты власти и общество в целом, становилась обязательность труда для всех граждан. В статье 18 содержалось следующее положение: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: “Не трудящийся, да не ест!”»¹. Труд тем самым объявлялся прежде всего обязанностью, а только затем правом трудящихся.

Цель введения трудовой обязанности объяснялась Лениным в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа: «В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность»². Тем самым требовалось определить «паразитические слои». С этой целью в статье 65 Конституции РСФСР устанавливались категории лиц, лишавшихся избирательных прав³. Кроме того, статья 23 Конституции предусматривала возможность лишать избирательных прав лиц, использующих их «в ущерб интересам социалистической революции»⁴. Столь широкая формулировка фактически открыла ресурс для произвольного толкования государственной электоральной политики представителями местных органов власти.

На положение «лишенцев» влияли различные факторы (обстановка внутри страны и за ее пределами, позиции руководителей партии и пр.), на основе которых определялись принципы и приоритеты государственной социальной политики. Именно поэтому со второй половины 1920-х гг. дискриминационные меры большевистского правительства стали

¹ Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании 10 июля 1918 года. Ст. 23 // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М., 1940. С. 24.

² Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. 3 (16) января 1918 г. // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 316.

³ В статье 65 Конституции РСФСР определялось семь категорий «лишенцев»: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором. См. подробнее: Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании 10 июля 1918 года. Ст. 65 // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М., 1940. С. 29.

⁴ Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании 10 июля 1918 года. Ст. 23 // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М., 1940. С. 24.

принимать более жесткие формы. Избирательные инструкции о выборах в городские и сельские советы отражали трансформацию проводимой властью политики в отношении «лишенцев». Так, в Инструкции 1925 г. было законодательно закреплено лишение избирательных прав категории «членов семей лиц, лишенных избирательного права»⁵, а согласно Инструкции 1926 г. лишению избирательных прав подлежали также бывшие белые офицеры⁶. Свертывание либерализации экономики на фоне сельскохозяйственных кризисов 1925–1926 гг., а также последующая политика государства по ликвидации «эксплуаторских классов» привели к стремительному росту количества «лишенцев» и ограничений в различных сферах их жизни.

Рамки кампании «лишенчества» не ограничивались исключительно потерей «лиценциями» права избирать и быть избранными. Как отмечает американский историк-советолог Шейла Фицпатрик: «фактически во всех советских учреждениях 20-х годов практиковалась та или иная форма классового дискриминации: наибольшее предпочтение отдавалось пролетариям, наименьшее – лицам, лишенным избирательных прав, и представителям различных “буржуазных” групп»⁷. Сопутствующие ограничения выходили за рамки избирательного права, ограничивая «лишенцев» в повседневной социальной жизни. «Лишенцы» теряли работу, их выгоняли из колхозов, конфисковывали имущество и выселяли из муниципальных квартир. Повзрослевшие дети «лишенцев» не могли служить в регулярной Красной армии, взамен этого они подлежали призыву на три года в части тылового ополчения, кроме того, они не могли обучаться в вузах и техникумах. Количество таких ограничений достигало более десяти, однако самой существенной из них являлась трудовая дискриминация. Тем самым избавление от совокупных дискриминационных практик вынуждало «лишенцев» всеми способами бороться за восстановление в избирательных правах.

Порядок восстановления в избирательных правах, так же как и сама кампания «лишенчества», претерпевал существенные изменения. Впервые право на восстановление в правах получили категории «эксплуаторов», предпринимателей и торговцев в 1922 г. Для правового восстановления требовалось предоставить удостоверение от фабрично-заводских комитетов о прекращении занятий, ставших основанием для лишения в правах⁸. В Инструкции 1925 г. фиксировался схожий порядок восстановления: «лишенцы», желавшие восстановиться в избирательных правах, должны были предоставить удостоверения о занимаемой должности и удостоверение совета или административных органов с информацией о том, что «указанные лица в настоящее время живут на средства, добываемые личным трудом, и не эксплуатируют чужого труда»⁹. Однако в 1926 г., согласно новой Инструкции, «лиценцам», желавшим добиться восстановления, недостаточно было прекратить свою прежнюю деятельность, теперь необходимым условием снятия дискриминации становилось наличие пятилетнего занятия «производительным или общественно-полезным трудом»¹⁰. Выполнение данного условия зачастую было невозможно, поскольку на практике для большинства «лишенцев» реализация права на такого рода формы труда была затруднена, либо полностью блокировалась.

Трудовой аспект кампании «лишенчества» редко присутствует в работах историков и правоведов. Это объясняется, с одной стороны, тем, что исследования, посвященные «лиценцам», долгое время оставались за рамками специальных исследований и рассматривались лишь в связи с идеей о «трудовом перевоспитании представителей эксплуататорских

⁵ СУ РСФСР 1930 г. № 19. Ст. 212.

⁶ Декрет ВЦИК «Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» (4 ноября 1926 г.) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства Отдел 1. 26 ноября 1926. № 75. Ст. 577. С. 885–899.

⁷ Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Американская русистика: вехи историографии последних лет Советского периода: антология. Самара, 2001. С. 134.

⁸ Саламатова М.С. Лишение и восстановление в избирательных правах в Советской России (1918–1936 гг.): эволюция правового регулирования // Новый ракурс. 2015. № 12. С. 120.

⁹ СУ РСФСР 1930 г. № 19. Ст. 212.

¹⁰ Декрет ВЦИК «Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» (4 ноября 1926 г.) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства Отдел 1. 26 ноября 1926. № 75. Ст. 577. С. 885–899.

классов»¹¹. С конца 1980-х гг. механизм кампании «лишенчества» и региональные особенности осуществления дискриминационной практики стали темами специальных исторических исследований¹². Однако при значительном количестве работ по данной тематике все еще ощущаем недостаток работ, посвященных дискриминационным ограничениям и тактикам борьбы «лишенцев» за восстановление в избирательных правах. Исследователи не обращались к противоречиям государственной политики в сфере труда, так как дискурс, исходящий от самих «лишенцев», редко присутствует в исторических исследованиях.

Задачи автора состоят в том, чтобы на основе анализа ходатайств о восстановлении в правах реконструировать портрет «лишенца» в сфере труда, а затем оценить возможность трудовой адаптации «лишенцев»¹³ в советском социуме. Источниковой базой исследования являются хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области ходатайства «лишенцев». Для реализации поставленных задач привлекаются ходатайства от 318 «лишенцев» Новосибирска¹⁴, а также ходатайства сельских «лишенцев» из Искитимского (Бердского) (132 «лишенца») и Маслянинского (Никоновского) (171 «лишенец») районов. Отметим, что к группе источников под названием «ходатайства» нами отнесены заявления, жалобы, ходатайства и биографии «лишенцев», которые объединены понятием «ходатайства».

Государство, вводя в текст Инструкции 1926 г. обязательность для восстановления в правах наличия пятилетнего трудового стажа, пыталось унифицировать процедурную сторону данного процесса. «Лишенцы» же должны были подтвердить трудовой стаж документально.

Следует отметить, что не все дискриминационные ограничения оказывались закреплены юридически. В реальности политика местных властей, нацеленная на уничтожение «классового врага», беспрерывно расширяла распространявшиеся на «лишенцев» ограничения: конфискацию имущества, высылку, лишение продовольствия, запрет на застройку и пр. Судебные, налоговые и жилищные ведомства неуклонно следовали принципам «классового правосудия», жестоко карая «социально-чуждых»¹⁷. Однако тем самым практика расширения дискриминаций, приводившая к росту социальной напряженности, вынудила власть обратиться к ее упорядочению лишь к весне 1930 г. после многочисленных донесений о массовых волнениях среди крестьян на местах, где социально-правовые дискриминации указывались в качестве одной из причин протестов¹⁸. 1 марта 1930 г. Секретарь Президиума Центрального исполнительного комитета СССР А.С. Енукидзе адресовал

¹¹ Филимонов В.Г. Первая советская Конституция. М., 1960; Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (1926–1929 гг.). М., 1960; Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972; Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 г. М., 1984; и др.

¹² См., например: Добкин А.И. Лишенцы 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 600–628; Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М., 1998; Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск, 2008; Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012; и др.

¹³ Автор понимает под трудовой адаптацией процесс приспособления лиц, лишенных избирательных прав, к сформировавшейся в СССР системе труда.

¹⁴ ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а.

¹⁵ ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1.

¹⁶ Там же. Ф. Р-449. Оп. 1.

¹⁷ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 143.

¹⁸ См., например: Рапорт командующего войсками Северо-Кавказского военного округа И.П. Белова наркому по военным и морским делам К.Е. Ворошилову о выступлении крестьян против хлебозаготовок в станице Махошевской Майкопского округа. 2 января 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. С. 94–98; Справка Информационного отдела ОГПУ о массовом выступлении в деревне Новая Чукалы Буинского кантона Татарии. 24 января 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. С. 140–141; Справка Информационного отдела ОГПУ о противодействии кулачества коллективизации на Украине по материалам на 20 января 1930 г. 31 января 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. С. 156–158; и др.

И.В. Сталину докладную записку, в которой в качестве одной из проблем политики «лишенчества» выделял «дополнительное поражение в правах лишенцев»¹⁹. Он отмечал, что дополнением к лишению избирательных прав является исключение из профсоюзов, лишение права состоять в сельскохозяйственных кооперациях (колхозах) и невозможность занятия руководящих должностей в органах потребительской кооперации. В записке акцентировалось внимание на том, что «никаких дополнительных правонарушений по отношению к лишенцам закон не знает»²⁰.

Трудовая дискриминация также не была официально узаконенным ограничением, а фиксировалась лишь в нескольких косвенных постановлениях, напрямую не касавшихся «лишенцев». Так, даже несмотря на острейшую нехватку рабочей силы в годы первой пятилетки, государство, стремившееся к полной монополизации рынка труда, старалось не допустить неорганизованного самотека на предприятия и особенно дискриминированного населения. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. отдельно фиксировались особые меры «по очистке промышленных предприятий в городах от отдельных кулацких элементов»²¹. Отдельно в постановлении указывались рекомендации о разработке «жестких мер к дальнейшему недопущению таких элементов на производство»²². Развитию трудовой дискриминации также способствовало введение паспортной системы. Отсутствие паспортов у «лишенцев» создавало дополнительное препятствие при устройстве на работу. Ниже рассмотрим, как на протяжении десятилетия «лишенцы» стремились использовать в борьбе с системой фактор труда и права на него.

Таблица 1

Сведения о трудовой биографии в ходатайствах «лишенцев» в 1926–1936 гг.
(по материалам Новосибирска, Искитимского и Маслянинского районов Сибири)

	Новосибирск		Искитимский район		Маслянинский район	
	Число «лишенцев»	%	Число «лишенцев»	%	Число «лишенцев»	%
Указание трудовой характеристики в ходатайствах	200	62,9	88	66,7	120	70,2
Отсутствие трудовой характеристики в ходатайствах	118	37,1	44	33,3	51	29,8
<i>Всего</i>	<i>318</i>	<i>100</i>	<i>132</i>	<i>100</i>	<i>171</i>	<i>100</i>

Из табл. 1 следует, что «лишенцы» в большинстве случаев приводили сведения из своей трудовой биографии, так как считали, что именно эта тактика может повлиять на восстановление в избирательных правах. Отсутствие сведений о трудовой биографии в ходатайствах объясняется несколькими причинами. Прежде всего, «лишенцы» использовали различные тактики для восстановления в правах. Часть из них не считала нужным приводить

¹⁹ Докладная записка секретаря Президиума ЦИК СССР А.С. Енукидзе И.В. Сталину по вопросу о «лишенцах». 1 марта 1930 г. // Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг. Кн. I. М., 2005. С. 129.

²⁰ Там же. С. 129.

²¹ Постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». 30 января 1930 г. // Там же. С. 32.

²² Там же.

сведения о своем труде, акцентируя внимание на ошибочности внесения в список, на разрыве связи с родственниками-«лишенцами» или на описании торговой деятельности, которую не считали эксплуататорской²³. При этом не все ходатайства писались с целью восстановления в избирательных правах, а направлялись в избирательные комиссии для возвращения конфискованного имущества (в таком случае описание трудовой биографии не являлось необходимым). С другой стороны, отсутствие упоминания собственной профессиональной деятельности может объясняться тем, что «лишенцы» писали о своей работе в специальных анкетах, которые в большинстве случаев прилагались к ходатайствам, а следовательно, они не считали нужным повторять написанную там информацию о собственной занятости. Нередко отсутствие сведений о работе являлось следствием отсутствия ее в прошлом.

Образ «лишенца» в рамках советской идеологической кампании наделялся исключительно негативными чертами. Понятие «нетрудовая деятельность» напрямую связывалось с «лишенцами» и не вписывалось в концепцию трудового государства. Лица, попавшие в дискриминационные списки, также подвергались воздействию идеологических конструктов, поэтому писали о своем статусе: «я не мог быть и не могу быть врагом трудящегося класса»²⁴, «по своей трудовой жизни я никак не могу быть причислен к классовым врагам соввласти»²⁵. Доказать лояльность власти можно было демонстрацией безукоризненного исполнения государственных обязанностей, центральной из которых являлась обязанность работать. В связи с этим, на наш взгляд, особый интерес представляет возможность трудовой адаптации «лишенцев» к сформировавшейся в СССР системе труда. Необходимо отметить, что правовая дискриминация не означала автоматически потерю любой возможности трудиться, хотя часть «лишенцев» впоследствии так и не смогла найти работу, попав в разряд безработных. На основе анализа ходатайств городских «лишенцев» Новосибирска и сельских «лишенцев» Искитимского и Маслянинского районов мы установили степень влияния дискриминации на трудовое положение «лишенцев» (табл. 2).

Таблица 2

Трудовая адаптация «лишенцев» в 1926–1936 гг.
(по материалам ходатайств «лишенцев» Новосибирска,
Маслянинского и Искитимского районов)

№ группы	Краткое описание группы	Новосибирск		Маслянинский район		Искитимский район	
		Число «лишенцев»	%	Число «лишенцев»	%	Число «лишенцев»	%
1	Имели работу, на которой остались после лишения	78	39	12	10	6	6,8
2	Имели работу, но потеряли ее после лишения, смогли найти новую	20	10	11	9	4	4,6
3	Имели работу, но потеряли ее после лишения, новую найти не смогли	51	25,5	14	12	12	13,6

²³ Частная торговля не считалась трудовой деятельностью в СССР, поэтому автор статьи сознательно не включает торговцев в общий подсчет «лишенцев», указавших трудовую биографию в своих ходатайствах. Исключения представляют лишь торговцы, которые приводили дополнительные сведения о работе до или после торговой деятельности.

²⁴ ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 244. Л. 34–35. Заявление Варгасова М.И. в Центральную избирательную комиссию от 26 июня 1929 г. Здесь и далее сохранена авторская орфография.

²⁵ Там же. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 229. Л. 1. Заявление Бурундуковского М.Н. в Новосибирский городской совет от 8 июля 1930 г.

Окончание табл. 2

4	Не состояли в колхозах до лишения, но вошедшие в их состав после	–	–	8	7	–	–
5	Состояли в колхозах до лишения, не исключены после дискриминации	–	–	2	2	6	6,8
6	Не имели работу до лишения, но смогли найти ее после	24	12	21	18	17	19,3
7	Не имели работу до лишения и не смогли найти ее после	27	13,5	36	30	28	31,8
8	Состояли в колхозах до лишения, исключены после. Смогли найти новую работу	–	–	3	3	4	4,6
9	Состояли в колхозах до лишения, но исключены из них после лишения. Новую работу найти не смогли	–	–	11	9	11	12,5
Всего		200	100	118	100	88	100

Нами выделены девять групп «лишенцев» в зависимости от наличия или отсутствия изменений в их трудовом статусе. Отметим также, что для Маслянинского и Искитимского районов неизбежным становилось выделение групп, связанных с членством в коллективных хозяйствах, тогда как в ходатайствах городских «лишенцев» эта информация не встречалась.

Группы, указанные в табл. 2, следует разделить с учетом успешности/неуспешности адаптации «лишенцев» в сфере труда. Так, группы № 1, 2, 4, 5, 6, 8 можно отнести к случаям успешной трудовой адаптации.

На «лишенцев» из 1-й группы избирательная дискриминация не оказывала материального влияния – их трудовой статус после дискриминации не изменился. «Лишенцы» данной группы стремились подчеркнуть длительность своей трудовой биографии. Нередким являлась аргументация о «наследственном» трудовом статусе. Так, лишенный за торговлю Тванов В.А. писал в своем заявлении о том, что с 11 лет работает у разных людей, а далее добавлял: «настоящим прошу окр исполком рассмотреть мою прозбу[:] я Тванов считался от природы батраком[,] а также и мои родители провозжали всю свою жизнь в батрачестве»²⁶. Желание добиться восстановления в избирательных правах диктовалась здесь прежде всего морально-психической стороной. Восстановление прав для них являлось как способом добиться правды, так и возможностью обезопасить себя от увольнения в будущем. Бердников Н.А., лишенный избирательных прав как «бывший белый офицер», писал: «Создавшееся же положение [статус «лишенца». – К. А.] нервирует меня и слишком сильно затрудняет и без того трудные, ответственные и важные работы[,] перечисленные выше»²⁷. Отметим, что городским «лишенцам» оказывалось проще сохранить свою прежнюю занятость, чем сельским, поскольку положение последних существенно усугублялось индивиду-

²⁶ Заявление Тванова В.А. в Окружную избирательную комиссию от 14 февраля 1930 г. // ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 206. Л. 4.

²⁷ Ходатайство Бердникова Н.А. заведующему окружным отделом от 13 июня 1929 г. // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 143. Л. 8.

альным налогообложением, поэтому они чаще вынуждены были отказываться от своей прошлой работы, в том числе от занятия сельским хозяйством.

Схожие аргументы использовали «лишенцы» 5-й группы. Их статус также не изменился после дискриминации – они не потеряли членство в коллективных хозяйствах. «Лишенцам» 4-й группы, представленной только в Маслянинском районе, удавалось даже войти в состав коллективных хозяйств после принятия решения о лишении их избирательных прав. При этом «лишенцы» данных групп считали указанные факты доказательством своей преданности мероприятиям советской власти. Так, Годицкий Ф.Ф. пишет о своей занятости в колхозе: «и был в колхозе полтора года и получил премию грамоту почетного звания ударника»²⁸. Однако малочисленность данных групп и в Маслянинском, и в Искитимском районах говорит о том, что такое положение скорее являлось исключением из правил, чем распространенной практикой формирования правлений колхозов.

Последнее вполне соотносится с запретом «лишенцев» на членство в кооперативных хозяйствах, действительно закрепленным в советском законодательстве. Впервые указанное ограничение было узаконено в постановлении ЦИК СССР и СНК СССР «О сельскохозяйственной кооперации» от 22 августа 1924 г., где санкционировалось то, что «всем гражданам Союза ССР, занимающимся сельским хозяйством или связанными с ним промыслами и пользующимся правом избирать в Советы, предоставляется право образовывать кооперативные объединения (товарищества, артели и коммуны)»²⁹. Постановление ЦИК и СНК СССР от 21 октября 1930 г. «О недопущении кулаков и лишенцев в кооперацию»³⁰ подтверждало прежнее постановление, однако устанавливало список «лишенцев», которые в качестве исключения могли быть приняты в кооперацию, но такая возможность была затруднена и не всегда достижима.

Дискриминация в сфере труда оказала влияние на «лишенцев» 2-й и 8-й групп. Их трудовой статус изменился после лишения избирательных прав – их уволили с работы или исключили из колхоза, однако они смогли сориентироваться в ситуации и освоить новую профессию. «Лишенцам» сельских районов удавалось сделать это с помощью переезда в город или отхода на близлежащие промышленные предприятия.

6-я группа – это все те, кто до лишения не имел работы, но, оказавшись в новом положении, сумел ее найти. Однако поиск работы для них был непростым делом. Отсутствие документов, необходимых для приема на работу, в некоторых случаях создавало дополнительные трудности для «лишенцев». Некоторые из них даже писали, что необходимость заработка вынуждала их подделывать документы и скрывать свое социальное положение. А.В. Болдырев при приеме на работу вынужден был скрывать то, что он сын священника: «при поступлении в Н-Сиб ЦРК³¹ скрыл свое социальное происхождение с целью избежать в дальнейшем незаслуженных упреков – “чуждый”»³². Далее он старается подчеркнуть свою активную роль при работе бухгалтером в ЦРК: «и действительно: на работе проявлял инициативу, был ударник – как равный. Но перед призывом на военную службу, когда соц-происхождение имеет особо важное значение, не стал скрываться – сам сообщил Райвоенкомату о соцпроисхождении»³³.

Акцентируя внимание на своей трудовой характеристике, «лишенцы» пытались доказать лояльность по отношению к советской власти. Именно поэтому «лишенцы» писали о том, что получали различные премии, являлись ударниками, выполняли работу «аккуратно и добросовестно». Некоторые «лишенцы» приводили примеры, когда их труд оказывался

²⁸ Заявление Годицкого Ф.Ф. прокурору Бердского района от 28 апреля 1932 г. // ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 160. Л. 18.

²⁹ СУ РСФСР 1925. № 21. Ст. 36.

³⁰ Постановление ЦИК и СНК СССР «О недопущении кулаков и лишенцев в кооперацию». 21 октября 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000. С. 690.

³¹ ЦРК – Центральный рабочий кооператив.

³² Заявление Болдырева А.В. в Новосибирский городской совет от 16 ноября 1933 г. // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 187. Л. 2.

³³ Там же.

особенно полезным для советской власти. Так, Г.С. Бокарев, лишенный избирательных прав за наем рабочей силы на собственный кирпичный завод, пишет об изобретении им печей для обжига извести и кирпича, которые позволили повысить показатели производства кирпича в Новосибирске на 100 %. Кроме того, он также писал о работе над водонагревательной системой для прачечных и бань. Свои изобретения Бокарев подтверждает копиями патентов на изобретения³⁴. Н.А. Ермаков, лишенный избирательных прав как «бывший белый офицер», писал об изобретении им машинки для разминки выработанных шкур во время работы в кооперативной артели «Сибодожда»³⁵.

Группы «лишенцев», перечисленные нами выше, представляли собой примеры успешной адаптации в трудовой сфере, однако имелись и обратные случаи, когда избирательная дискриминация становилась главным препятствием для включения в жизнь советского общества.

7-я группа включает «лишенцев», которые являлись безработными в полном смысле этого слова: они не имели работы (кроме занятия сельским хозяйством) до лишения и не смогли найти ее после. Отсутствие работы в прошлом объясняется, с одной стороны, традиционным укладом семьи аграрного общества, в котором мужчина работает, а жена занимается хозяйством. С другой стороны, часть «лишенцев» данной группы указывала причинами отсутствия работы безработицу, собственную инвалидность или преклонный возраст. Дети «лишенцев» писали о том, что не работали ранее из-за «малолетства» и недостатка квалификации, однако их социальное положение на момент написания ходатайств также не позволяло им найти работу. В таком случае молодые «лишенцы» использовали тактику обращения к собственному будущему, но при этом им необходимо было полностью порвать с прошлым, в том числе разорвать связь с собственными родителями. И.В. Матвеевко, лишенный избирательных прав вместе с отцом, писал: «я буду работать честно на любом производстве и в любом колхозе для страны советов»³⁶. Схожие аргументы приводил в своей жалобе Т.П. Холкин, добавляя при этом: «если требуется для этой цели даже раздел с моим отцом, то возражать не буду»³⁷.

3-я и 9-я группы включают тех, кто оказался в самом затруднительном положении. Потеря работы и исключение из колхозов являлись в этом случае лишь первичной дискриминацией, так как большинство «лишенцев», будучи трудоспособными, упорно пытались найти работу, однако этот процесс блокировался их социальным статусом. Трудовую адаптацию «лишенцев» данных групп нельзя назвать успешной, поскольку доступ к труду для них был закрыт внешними условиями, которые в условиях правовой дискриминации от них уже не зависели.

Как справедливо отметил смоленский историк Д.В. Валуев, «несмотря на то, что законодательство не содержало прямых указаний об изгнании с работы на государственных предприятиях лиц, лишенных избирательных прав, руководство на местах, в случае потери работником избирательных прав, старалось под различными предлогами избавиться от него»³⁸. Руководители предприятий боялись иметь у себя в подчинении «лишенцев», поэтому отказывали им в приеме на работу. А.Д. Апраксин, лишенный избирательных прав как «бывший белый офицер», более 40 лет проработал школьным учителем. В своем ходатайстве он пишет о потере работы, а также добавляет: «голод ужасающий, так как я не имею ни одного частного урока»³⁹. В личном деле А.Д. Апраксина присутствуют также заявления от

³⁴ Заявление Бокарева Г.С. в Новосибирский городской совет от 8 марта 1930 г. // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 183. Л. 5.

³⁵ Заявление Ермакова Н.А. в Краевую избирательную комиссию от 15 сентября 1930 г. // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 519. Л. 2–3.

³⁶ Заявление Матвеевко И.В. в Краевую избирательную комиссию от 9 февраля 1935 г. // ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 584. Л. 1.

³⁷ Жалоба Холкина Т.П. в Маслянинский районный исполнительный комитет от 27 декабря 1928 г. // ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 955. Л. 9.

³⁸ Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012. С. 95.

³⁹ Заявление Апраксина А.Д. в Новосибирский городской совет от 29 апреля 1929 г. // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 62. Л. 2.

бывших его учеников, которые обращались к избирательной комиссии с просьбой восстановить его в правах.

Наличие заработка в условиях лишения избирательных прав было необходимо, учитывая факт дополнительных ограничений в виде конфискации имущества, а также индивидуального обложения «лишенцев». В таком случае восстановление в правах становилось единственной возможностью найти работу: «дайте мне работы: дайте мне возможность существовать трудом невинного рабочего на какой угодно службе, самой грязной лишь бы я мог прокормить семью и не умереть с голоду»⁴⁰. «Лишенцы» писали не только о собственной жизни, но и о необходимости содержать свою семью. Так, бывший торговец А.М. Гладков указывал в своем ходатайстве: «я могу работать и честно работать, меня не берут, депо принимает меня слесарем, но не принимает биржа, меня принимают в кустарно-кооперативной артели слесарем, но не принимает ихний устав, а я желаю работать и мне необходимо работать, ибо у меня 6 иждивенцев жена, 4 дочери от 1,5 до 16 лет и мать старуха 67 лет. Но кроме всего я желаю и умею работать, но с лишением права голоса я лишен права работать»⁴¹.

Вопрос об успешности той или иной тактики, употребляемой в ходатайствах «лишенцев», является сложным. Во-первых, на принятие решения о восстановлении в правах влияло множество факторов: документально подтвержденные аргументы «лишенцев», приоритеты государственной социальной политики и эффективность разбора ходатайств «лишенцев» местными органами власти. Во-вторых, делопроизводство советов и избирательных комиссий являлось хаотичным, не всегда их решения содержали обоснования восстановления в правах, что не дает нам возможность с точностью говорить об эффективности тактик «лишенцев». В отдельных случаях избирательные комиссии указывали основанием для восстановления «лишенцев» именно наличие трудового стажа, подтвержденного справками с мест работы: «Принимая во внимание общественно-полезный труд и трудовой стаж на транспорте, ходатайствовать перед Сибкрайисполкомом о восстановлении гр. Азарова Г.Н. в избирательных правах»⁴². Напротив, отсутствие сведений о труде являлось основанием для отказа в удовлетворении ходатайства: «Заявитель к моменту лишения избирправ отца проживал в хозяйстве последнего, никаких документов о том, что он с отцом порвал и занимается общественно-полезным трудом, не представил. <...> в восстановлении избирательных прав Белякову отказать»⁴³.

Исследование показало, что избирательная дискриминация служила основанием для сопутствующих ограничений в жизни «лишенцев», важнейшей из которых являлась трудовая дискриминация. Анализ трудовых характеристик, содержащихся в их ходатайствах, демонстрирует наличие в них противоположных тенденций. В одних случаях «лишенцы» могли не только не потерять работу, но и при необходимости найти новую. В других лишение избирательных прав оказывало и негативное воздействие на занятость ходатаев в виде исключения из колхозов и увольнения с работы. Поиск новой работы затруднялся неправовым статусом лиц, внесенных в формировавшиеся в различных учреждениях дискриминационные списки. В случае с «лишенцами» различные нормы советского государства вступали в противоречие, поскольку правовая необходимость в пятилетнем трудовом стаже для восстановления блокировалась реальной практикой. Тем самым в большинстве рассмотренных нами случаев борьба «лишенцев» за восстановление в правах, в том числе и трудовых, оказывалась внутри замкнутого бюрократического круга.

⁴⁰ Ходатайство Авакова А.А. в Новосибирский городской совет от 1 апреля 1930 г. // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 13. Л. 5.

⁴¹ Заявление Гладкова А.М. в Центральную избирательную комиссию [1930 г.] // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 358. Л. 6–7.

⁴² Выписка из постановления Окружной избирательной комиссии от 3 февраля 1928 г. // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 18. Л. 5.

⁴³ Выписка из постановления Президиума Октябрьского районного исполнительного комитета от 15 сентября 1934 г. // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 141. Л. 5.

Литература

Берлявский Л.Г. Конституция РСФСР 1918 г. В парадигме конституционного риска // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 100–110.

Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012. 155 с.

Добкин А.И. Лишенцы 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб.: Феникс: Atheneum, 1992. Вып. 2. С. 600–628.

Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. 360 с.

Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.) / С.А. Красильников, М.С. Саламатова, С.Н. Ушакова. Новосибирск, 2008. 387 с.

Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы / В.И. Тихонов, В.С. Тяжелникова, И.Ф. Юшин. М., 1998. 256 с.

Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (1926–1929 гг.). М., 1960. 103 с.

Саламатова М.С. Лишение и восстановление в избирательных правах в Советской России (1918–1936 гг.): эволюция правового регулирования // Новый ракурс. 2015. № 12. С. 117–136.

Филимонов В.Г. Первая советская Конституция. М., 1960. 77 с.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.

Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Американская русистика: вехи историографии последних лет Советского периода: антология. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2001. С. 133–151.

Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 г. М., 1984. 206 с.

References

Berlyavskiy, L.G. (2019). Konstitutsiya RSFSR 1918 g. V paradigme konstitutsionnogo riska [The Constitution of Russia 1918. In the Paradigm of Constitutional Risk]. In *Yuridicheskaya tekhnika*. No. 13, pp. 100–110.

Chistyakov, O.I. (1984). Konstitutsiya RSFSR 1918 g. [The Constitution of Russia 1918]. Moscow. 206 p.

Dobkin, A.I. (1992). Lishentsy 1918–1938 gg. [Disenfranchised of 1918–1938]. In *Zvenya. Istoricheskij almanah*. Moscow, St. Petersburg. Edit. 2, pp. 600–628.

Filimonov, V.G. (1966). Pervaya sovetskaya Konstitutsiya [The First Soviet Constitution]. Moscow. 77 p.

Fitzpatrik, Sh. (2001). “Pripisyvanie k klassu” kak sistema sotsial'noy identifikatsii [“Attribution to a Class” as a System of Social Identification]. In *Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let Sovetskogo perioda: antologiya*. Samara, pp. 133–151.

Fitzpatrik, Sh. (2008). Povsednevnyy stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: gorod. [Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s: City]. Moscow, ROSSPEN. 336 p.

Ivnickiy, N.A. (1972). Klassovaya bor'ba v derevne i likvidatsiya kulachestva kak klassa [Class Struggle in the Countryside and the Elimination of the Kulaks as a Class]. Moscow. 360 p.

Krasilnikov, S.A., Salamatova, M.S., Ushakova, S.N. (2008). Kornii ili shchepki. Krestyanskaya semya na spetsposelenii v Zapadnoy Sibiri (1930-e – nachalo 1950-kh gg.) [Roots or Wood Chips. A Peasant Family in a Special Settlement in Western Siberia (1930s – Early 1950s)]. Novosibirsk. 387 p.

Morozov, L.F. (1960). Reshayushchiy etap bor'by s nepmanskoy burzhuziyei (1926–1929 gg.) [The Decisive Stage of the Struggle against the Nepman Bourgeoisie (1926–1929)]. Moscow. 103 p.

Salamatova, M.S. (2015). Lishenie i vosstanovlenie v izbiratel'nykh pravakh v Sovetskoy Rossii (1918–1936 gg.): evolyutsiya pravovogo regulirovaniya [Privation et Rétablissement des Droits de Vote en Russie Soviétique (1918–1936): évolution de la Réglementation Juridique]. In *Novyy rakurs*. No. 12, pp. 117–136.

Tikhonov, V.I., Tyazhelnikova, V.S., Yushin, I.F. (1998). Lisheniye izbiratelnykh prav v Moskve v 1920–1930-e gody [Deprivation of Voting Rights in Moscow in the 1920s and 1930s]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo gorodskogo ob'edineniya arkhivov. 256 p.

Valuev, D.V. (2012). Lishentsy v sisteme sotsialnykh otnosheniy (1918–1936 gg.) (na materialakh Smolenskoj gubernii i Zapadnoy oblasti) [Lishentsy in the System of Social Relations (1918–1936) (Based on the Materials of the Smolensk Province and the Western Region)]. Smolensk, Madzhenta. 155 p.